

В Париже советы департамента и Коммуны решили праздновать следующий «декади» - десятый день - 20 брюмера (10 ноября) в соборе Богоматери и организовать там «праздник свободы и разума», во время которого будут исполнены патриотические гимны перед статуей свободы. Анахарсис Клоотс, Моморо, Эбер, Шометт занялись усиленной пропагандой в народных обществах, чтобы подготовить этот праздник, и он вполне удался.

Мы не станем останавливаться на самом празднестве, его часто описывали. Заметим только, что для изображения свободы в этом празднике устроители предпочли живое существо, потому что, писал Шометт, «статуя была бы все-таки шагом к идолопоклонству». Как уже указал Мишле (кн. XIV, гл. III), основатели этого нового служения свободе и разуму советовали «избирать для такой величественной роли лиц, характер которых делал бы их красоту предметом уважения, а строгость нравов и самого взгляда не допускала бы легкого отношения». В результате праздник свободы и разума, отпразднованный в соборе, не только не был потешным представлением, он был скорее «целомудренной церемонией, мрачной, сухой и скучной», говорил Мишле. Вообще это движение 1793 г., писал дальше Мишле, вытекало не из вдохновения революцией, а «из резонерских школ времен Энциклопедии». И действительно, оно поразительно схоже с теперешним движением «этических обществ», которые тоже не находят поддержки в народных массах.

Что нас особенно поражает теперь, это то, что Конвент, несмотря на требования, поступавшие со всех сторон, отказывался поставить на очередь вопрос об отмене государственного жалованья священникам. Зато Парижская коммуна и секции открыто вели дело отречения от христианской веры. В каждой секции хотя одну из церквей переименовывали в храм разума; а Генеральный совет Коммуны даже рискнул еще резче поставить дело. В ответ на речь, произнесенную Робеспьером 1 фримера о необходимости религии для народа. Совет Коммуны под влиянием Шометта выпустил 3 фримера (23 ноября) постановление, в силу которого все церкви и храмы всех исповеданий должны были быть закрыты; каждый священник становился ответственным за всякие беспорядки религиозного характера, и революционными комитетами предлагалось вести строгий надзор за священниками. Кроме того, Совет Коммуны просил Конвент лишить лиц духовного звания праве занимать какие бы то ни было общественные должности. В то же время Коммуна учреждала «курс нравственного учения» для приготовления проповедников нового исповедания. Вместе с тем предписывалось сломать все колокольни, а в нескольких секциях праздновали праздники разума, во время которых потешались над католическим богослужением. Одна из секций сожгла молитвенные книги, а Эбер сжег в Коммуне несколько мощей.

В провинции почти все города, особенно в юго-западной Франции, присоединились, по-видимому, к новому рационалистическому учению.

Между тем правительство, т. е. Комитет общественного спасения, глухо противодействовало этому движению. Робеспьер резко выступил против него, и когда Клоотс пришел в Комитет и стал рассказывать с восторгом об отречении Гобеля, Робеспьер резко высказал ему свое неудовольствие, спрашивая, что на это скажут бельгийцы, присоединения которых к Франции добивался Клоотс.

Впрочем, Робеспьер молчал несколько дней. Но 20 ноября Дантон вернулся в Париж после продолжительного пребывания в Арсис-на-Обе, куда он удалился со своей молодой женой, с которой повенчался в церкви тотчас же после смерти своей первой жены. И на другой же день по возвращении Дантона в Париж, т. е. 1 фримера (21 ноября), Робеспьер произнес в Якобинском клубе свою первую, очень резкую речь против «культа разума». Конвент, говорил он, никогда не сделает этого дерзкого шага и не примет мер против католической веры. Он сохранит свободу исповеданий и не позволит преследовать мирных священнослужителей. Затем он говорил, что представление о «великом существе, бдящем за невинно преследуемыми и наказующем преступления», - представление вполне народное. Поэтому он называл людей, начавших борьбу против христианства, *изменниками и агентами врагов Франции*, стремящимися оттолкнуть от республики тех иностранцев, которых привлекали к республике ее нравственные идеалы или же понимание своей собственной пользы.

Пять дней спустя Дантон говорил в Конвенте почти в том же смысле, нападая в особенности на антирелигиозные маскарады. Он требовал, чтобы им был положен предел.

Что такое случилось в эти дни, что могло так сблизить Робеспьера и Дантона? Какие соображения дипломатического или иного характера призвали Дантона в Париж в эту минуту и заставили его выступить против антирелигиозного движения, тогда как он был истинный последователь Дидро и даже на суде и у подошвы эшафота не преминул подчеркнуть свои материалистические убеждения? Это выступление Дантона тем более требует объяснения, что Конвент в течение всей первой половины